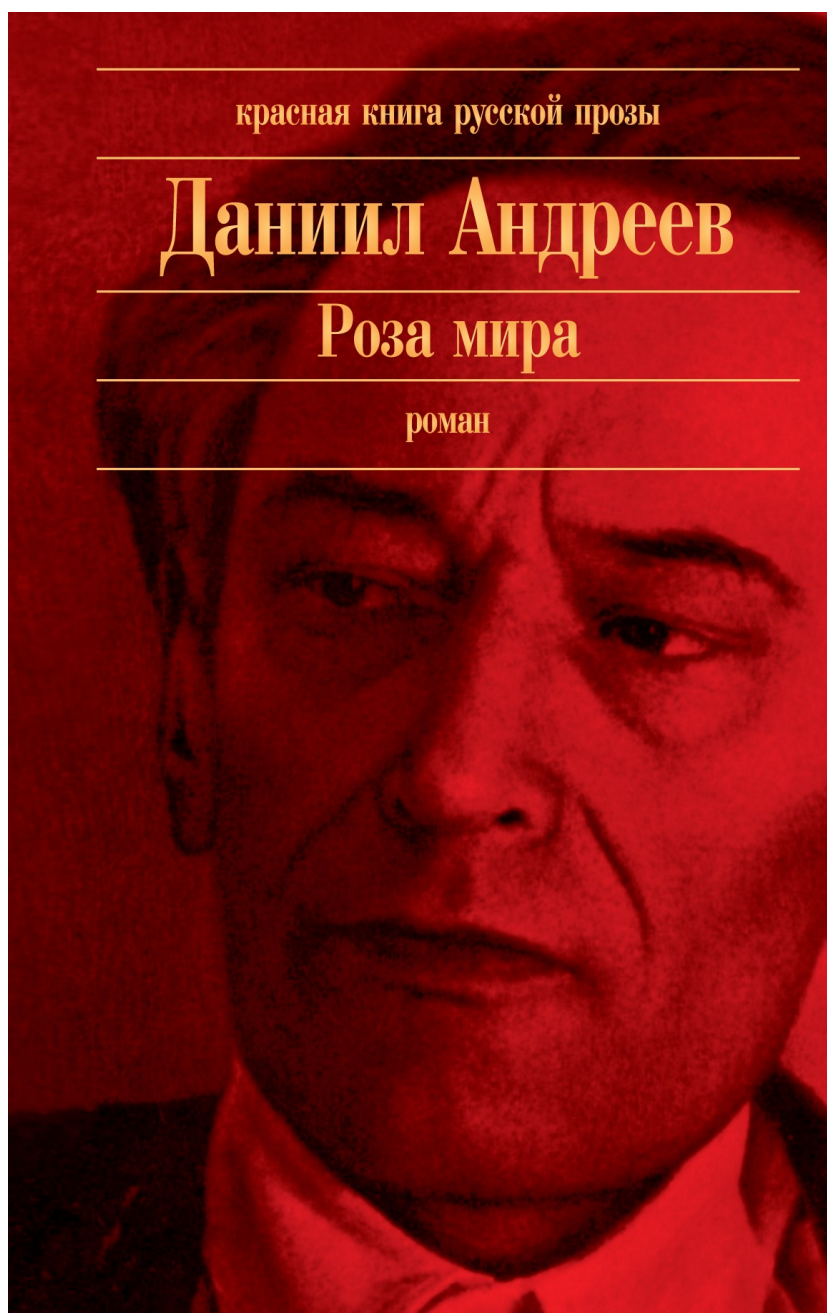

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДУХОВНОСТЬЮ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМОМ

в трудах Даниила Андреева

Должна признать, что поначалу я читала его книгу «Роза Мира» со скептическим настроем. Но когда вникла лишь в одну главу из содержания, уже не могла оторваться от нее. Меня поразили глубокие, волнующие прозрения автора, поэтому я решила перевести эту главу на литовский язык, чтобы познакомить читателя с этим уникальным Автором.

Даниил Андреев (1906 11 02 Берлин - 1959 03 30 Москва) -- истинный русский мистик. Не знаю, описывал ли кто-нибудь еще установление

диктатуры пролетариата, ее причины и последствия для человечества так ярко, как этот автор. Борьба против духовности в России была ожесточенной и беспощадной. Однако некоторые пересечения между интеллектуализмом и духовностью также характерны для Запада, для христианства. Борьба против империи зла продолжается, и она, погруженная в агонию, порождает новые поколения дегуманизированных чудовищ. Интеллектуализм и духовность — явления не одного происхождения. Их нужно различать и понимать. Я читала много философских трактатов о религиозности и духовности, но параллели Андреева с духовностью и интеллектуализмом особенны. Они основаны не только на чуткости автора к Истине и социальной несправедливости, но и на глубине его образования, что удивительно, учитывая, как мало времени у него было для жизни на свободе. Прозрения Андреева можно смело считать пророческими. Современный мир может привести множество аргументов в поддержку этой темы.

Можно только удивляться пророчеством мистика Даниила Андреева, который как бы продолжил слова Иисуса Христа, зная что происходит в сегодняшнем мире:

Цитата Даниила: «Горе тем, кто позволил технологиям управлять своими душами»...

ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ФОМЫ:

3 ИИСУС СКАЗАЛ:

Если вожди скажут вам: «Вот, Царствие на небесах»,

то птицы небесные убегут от вас;

если скажут вам: «Оно на море»,

то рыбы морские убегут от вас.

Но Царствие внутри вас и близко к вам.

Когда познаете себя, тогда и вы будете познаны,

и узнаете, что вы сыны Отца живого.

Но если не познаете себя,

то вы в беде, и сами вы — беда.

*****

Даниил Андреев писал стихи...пророческие:

Вижу, как строится. Слышу, как рушится.

Все холодней на земной стезе...

Кто же нам даст железное мужество.

Чтобы взглянуть в глаза грозе?

Сегодня с трибуны слово простое

В громе оваций вождь говорил.

Завтра - обломки дамб и устоев

Жадно затянет медленный ил.

Шумные дети учатся в школах.

Завтра - не будет этих детей:

Завтра - дожди на равнинах голых,

Месиво из чугуна и костей.

Скрытое выверотится наружу.

После замолкнет и дробь свинца,

И тихое зеркало в красных лужах

Не отразит ничьего лица.

*****

Из биографии Д. Андреева. Воспоминания.

Автор Ольга Скибинская

Даниилу АНДРЕЕВУ, сыну известного русского писателя Леонида Андреева, выпала судьба и счастливая, и трагичная одновременно. Мать умерла при его рождении, и Даниил воспитывался в семье своих родственников Добровых, одной из замечательнейших интеллигентных московских семей.

После окончания Высших литературных курсов (в университет сына "непролетарского" писателя не приняли) работал художником-шрифтовиком, по ночам писал стихи. Военные дороги Андреева: Ладога,

Ленинград, Шлиссельбург, Синявино. В 1947 году арестован. Приговор: десять лет Владимирской тюрьмы.

В тяжелейшем состоянии после инфаркта выпущен на свободу. Умер 30 марта 1959 года. Но только тридцать с лишним лет спустя основной труд жизни крупнейшего философа и мистика XX столетия "Роза Мира" увидел свет, почти чудом спасенный его вдовой Аллой Александровной Андреевой.

"Роза Мира" - произведение, жанр которого трудно определить. Видение, историософский трактат, очерки философии - каждый находит в нем свое, в этой книге о сложной мировой иерархии добрых и злых сил мироздания...

Вестник будущего

С Аллой Александровной я познакомилась в 1992 году. Тогда для меня как-то удивительно совпали получение диплома Литературного института имени Горького, появление на столичных книжных развалах первой легальной публикации ходившей до этого в "самиздатовском" виде "Розы Мира" и наша многочасовая беседа с Андреевой в ее квартире на Неждановой. Потом были наши встречи на международных фестивалях и конгрессах, но тот самый первый разговор остался самым памятным.

- Алла Александровна, можно ли в нескольких словах рассказать о даре Даниила Андреева?

- Уникальность Даниила Андреева состоит в удивительной прозрачности его сознания, способного проникать сквозь наш физический мир в миры иные. Первое видение посетило его в 15 лет. Но только в тюрьме, куда он был брошен по доносу за "крамольный" роман, произошло раскрытие духовного слуха, духовного зрения, пробудилась глубинная память.

Один из сокамерников Андреева, академик В. В. Парин, физиолог материалистического склада, атеист, рассказывал мне, как Даниил работал в тюрьме: "Казалось, что он не пишет, а записывает то, что откуда-то слышит, что как бы льется через него, причем едва успевает записывать".

- А откуда взялось название книги - "Роза Мира"?

- Воплощение всечеловеческого братства Даниил Андреев видел в свободной добровольной федерации государств, объединенных этической инстанцией - Розой Мира. Именно этика, а не политический строй, не религия - по Андрееву - может объединить человечество.

В своей книге Даниил Андреев рассказывает о том, что Вселенная многослойна. Наша Земля, вернее тот слой, в котором мы живем, это -

перекресток, где встречаются системы миров иных измерений. Условно говоря, вверх от нас поднимаются Миры Просветления, уходя в обитель Христа. Вниз - по Андрееву - уходят Миры Возмездия с сердцевиной в обители Дьявола. Из этой структуры Вселенной происходит вся жизнь и метаистория человечества. Ее отражением в повседневном сознании является то, что мы называем историей.

С этой точки зрения Даниил Андреев в "Розе Мира" рассматривает и историю России. Каждый народ имеет своего светлого Водителя - Демиурга, ведущего к Свету. Каждый народ имеет и свою светлую Соборную Душу - женственную сущность, вдохновительницу и охранительницу светлого творческого начала. Все Демиурги - братья, и все Соборные Души - сестры.

В книге есть главы, посвященные новейшей истории России, в том числе глава о Сталине, как сильнейшей концентрации персонифицированного Зла. Значительная часть "Розы Мира" посвящена природе, ее скрытым движущим силам - стихиям, духам и т.д.

- Пресловутая 58-я статья была сформулирована таким образом: антисоветская агитация, террор, подготовка покушения на Сталина. А в действительности причиной для ареста Даниила Леонидовича и вас, ваших близких послужила рукопись его романа "Странники ночи"?

- Даниил начал писать этот роман в 1937 году. Писал по ночам, без всякой надежды на его издание. Работа была закончена уже после войны, весной 1947-го. Рукопись читали в кругу друзей, родных. И вот нашлись люди... Рукопись романа была уничтожена "органами" после вынесенного Даниилу приговора. В Русском архиве университета города Лидс (Великобритания) хранятся тюремные черновики Даниила Андреева, которые мне удалось туда переправить, не надеясь, что они когда-нибудь будут напечатаны на Родине автора. В 3-м томе собрания сочинений Даниила Андреева, вышедшем в девяностые годы, их фрагменты опубликованы.

Действие "Странников ночи" происходит в Москве конца 30-х годов. Название романа значит следующее: мы, русские люди, странствуем через ночь, простершуюся над Россией. Один из эпизодов: арестованный руководитель подпольной группы, индолог Глинский посажен в камеру на Лубянке, набитую разными людьми. В этой же камере находятся православный священник и мулла. Не говоря друг другу ни слова, они по очереди молятся обо всех остальных. Молча. Когда того, кто молится сейчас, вызывают на допрос, он взглядом передает свою молитвенную стражу остающемуся...

Канонически это, конечно, недопустимо. Но я не думаю, чтобы нашелся

священнослужитель, осуждающий этих людей. Общее противостояние бездуховности само собой рождалось в лагерях и тюрьмах того безбожного времени...

Что же касается формулировки обвинения, то, естественно, никакого заговора в действительности не было. То же показало и следствие, продолжавшееся 19 месяцев. Это однако не помешало вынесению приговора: 25 лет тюрьмы Даниилу и 25 лет лагерей мне.

- Противостояние одиночек, пусть даже сильных духом, целой системе... Не обречено ли это изначально на гибель? Вы и полвека спустя можете сказать, что годы, проведенные в тюрьме, в лагере все-таки остались годами борьбы?

- Конечно, ведь у нас была опора. И не только Вера. Опорой становились люди, бывшие рядом. Об академике Парине я уже говорила. Черновики "Розы Мира", стихотворений Даниила дважды погибали во время тюремных шмонов. И все-таки их прятали, спасали от надзирателей не только русские, но немцы, японцы. Благодаря в том числе их помощи Даниил Леонидович, выйдя на свободу, смог закончить свой труд.

Тяжелее было другое. После вынесения приговора, то есть с 1948 по 1950 год, мы с Даниилом не только не имели весточки друг о друге, но даже не знали, жив ли другой. И только когда разрешили переписку, я узнала от своей мамы, что Даниил жив, а с 1954 года мы уже могли с ним переписываться. Одно письмо в месяц, на которое имел право заключенный, - тогда это казалось роскошью... Но мы выстояли.

"И только имя твое со мной"

Я рассматриваю семейные фотографии Андреевых: когда жена рядом, ласковым, теплым светом начинает лучиться взгляд Даниила Леонидовича, замкнуто-напряженный, обращенный куда-то в глубь себя на других снимках, где он один.

Как часто к сорока - пятидесяти годам выгорают-гаснут голубые глаза у многих людей. У моей собеседницы яркий васильковый взгляд. Между тем Алла Александровна родилась в 1916 году.

Конечно, здоровья со временем не прибавлялось - несмотря на перенесенные операции, она неумолимо теряет зрение, и в незнакомых местах не может передвигаться без посторонней помощи. Но всегда меня поражал и поражает в этой женщине с трудной судьбой неистребимый оптимизм, страстный молодой огонь, словно рвущийся изнутри нее.

Несколько лет назад мне удалось отыскать женщину, сидевшую вместе с Аллой Александровной в мордовском лагере. Когда они, не видевшиеся

сорок лет, бросились в объятия друг друга, слезы навернулись на глаза у всех случайных свидетелей той встречи...

"Если вести речь о ходе следствия, то я могу сказать, что, кроме всевозможных обманов и провокаций, мне в Лефортове не давали спать три недели, после которых я, естественно, была полувменяемой..."

"Вместе со мной в лагере сидели Галина Маковская, дочь философа Карсавина Ирина, дочь наркома просвещения Елена Бубнова, дочь Троцкого, жена Бориса Пастернака..."

"Страшны не физические страдания. Страшно потерять себя, свою внутреннюю свободу. У нас в лагере была отдушина - мы организовывали концерты, ставили спектакли - Пушкин, Шекспир, Островский..."

Не раз, обомлев от таких вот случайно оброненных Аллой Андреевой во время наших бесед слов, я восклицала: "Вам бы самой книгу написать о том времени, о Данииле Леонидовиче, о самой себе. Это же страшно интересно..."

Видимо, не одна я высказывала такие пожелания, потому что в 1998 году вышли в свет мемуары Аллы Андреевой "Плавание к Небесному Кремлю".

Дорога без конца

- Даниил Леонидович был глубоко верующим человеком. Однако после выхода в свет "Розы Мира" возник конфликт с Церковью. В одной из радиопередач уважаемый мною отец Артемий Владимиров заявил, что будто бы автор "Розы Мира" на смертном одре, отрекшись от своей книги, просил ее уничтожить, что труд опубликован в нарушение его воли.

- Это ложь. Даниил Андреев никогда от своего творчества, своей личности не отрекался. Ни в тюрьме, ни на воле. Все последние месяцы его жизни я безотлучно находилась рядом. И думаю, что Даниил, до последней минуты делившийся со мной своими замыслами, идеями, не стал бы утаивать от меня столь важное решение. У нас не было секретов друг от друга.

- Если же вернуться к разногласиям с Церковью...

- Думаю, не только можно, но и нужно отмечать, что в этом произведении не согласуется с православными догматами. Ведь Даниил Андреев - поэт, а не философ и уж никак не богослов. Это дает ему право на особое, поэтическое видение мира, хотя и не спасает от ошибок, свойственных нашему уму. Однако я не знаю ни одного человека, которого бы "Роза Мира" увела из храма, но знакома со многими, кого она туда привела. Несколько лет назад я получила письмо от одного иеромонаха,

который пишет: "Чтение "Розы Мира" ставит живое религиозное сознание перед собственным органом веры..." Отношение Церкви к Андрееву никак нельзя считать однозначным.

.....

Книга Д. Андреева **"РОЗА МИРА"**

выросла в сталинских лагерях!

Книга XI. К метаистории последнего столетия

Глава 2. Борьба с духовностью

Существует ходячее представление, **будто бы материальная бедность общества отражается, и притом прямо, и на его духовной бедности.** И наоборот: материальное изобилие влечёт – или обязано влечь за собой – также и духовное богатство.

Объективные исторические наблюдения не подтверждают этого тезиса. До поздней фазы капитализма богатством располагали те или иные привилегированные классы или группы, а не общество, и различествовали не средние уровни этих обществ, а материальные уровни составлявших их групп. К обществу в целом прилагать понятие материального изобилия можно лишь на поздней стадии исторического развития. Можно говорить об изобилии и богатстве – по крайней мере, в определённые периоды – таких обществ, как современная Швеция, как Голландия последнего столетия, как Швейцария. О богатстве Соединённых Штатов можно говорить тоже, хотя с некоторыми существенными поправками, ибо разница материальных уровней различных групп населения в этой стране очень велика и далеко не всё общество бывало охвачено так называемым **просперити*** даже в самые лучшие свои времена. **Что касается стран социалистического лагеря, то я не упоминаю о них здесь потому, что эти образования относятся к ещё более позднему историческому периоду.**

---

* Prosperity (англ.) – преуспевание, процветание. – *Ред.*

Я был бы очень заинтересован, если бы кто-нибудь сумел убедительно показать мне, что перечисленные общества, достигшие высокого уровня общего материального благосостояния, **как-то: Швеция, Голландия, Швейцария – проявили одновременно также и подлинное духовное богатство.** Правда, что они вносили и вносят кое-что в мировую науку и технику, **но наука, как и техника, относится в основном к ряду не**

духовных, а интеллектуальных ценностей. С самого начала следует научиться делать различие между этими двумя рядами явлений. Умонастроение определённого типа, весьма ныне распространённого, не отличает духовного от интеллектуального. Гуманитарные науки, искусство, общественность, этика, религия, науки физико-математического и биологического циклов, даже некоторые аспекты техники – всё сваливается в одну кучу. Творчество Калидасы и Дарвина, Гегеля и Эдисона, Рамакришны и Алёхина, Сталина и Ганди, Данте и Павлова рассматривается как явление одной и той же области – «духовной» культуры. Эту аберрацию можно было бы назвать дикарской, если бы в ней не были повинны цивилизованные люди весьма интеллигентного облика. А между тем ясно как день, что здесь перед нами два совершенно различных ряда явлений: духовный и интеллектуальный. Почти вся область науки и тем более техники принадлежит ко второму ряду; в него входят также философские, эстетические и моральные построения в той мере, в какой они высвобождаются из-под представлений и переживаний иноприродного, иноматериального, запредельного, духовного в точном смысле этого слова. В той же точно мере входят в него общественные движения, политические программы, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений, находящихся в связи именно с понятием многослойности бытия и с ощущением многообразных нитей, которыми связан физический план жизни с планами иноматериальными и духовными. Сюда полностью относятся области религии, спиритуалистической философии, метаистории, магии, высокой этики и наиболее глубокие творения литературы, музыки, пространственных искусств.

Если понять и усвоить это различие двух родов явлений, духовного и интеллектуального, тогда станет ясно, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой зависимости от богатства материального. Дурно отражаются на духовной деятельности только две крайние степени материального достатка: нищета и роскошь. Первая заставляет тратить все силы на борьбу за существование, вторая ведёт к погоне за умножением богатств либо к пресыщенности, к опустошению, к затягиванию психики душевным салом.

Не Швеция, не Голландия, не Соединённые Штаты, а бедный Таиланд, полуцивилизированные (разумеется, с точки зрения европейцев) Цейлон, Бирма и Камбоджа, «полудикие» Тибет и Непал, полудикий Индия являются образцами обществ, жизнь которых гораздо более, чем жизнь обществ западных, пронизана артистичностью, повседневным участием масс в творчестве высокоэстетических ценностей, интенсивными идейными

исканиями и тем душевным теплом, которое найдёшь только в странах, где веками царил нравственный климат, создаваемый огромными водоёмами духовности. У нас привыкли сосредоточивать внимание на экономической отсталости этих стран, на индийской бедности, на тибетской малограмотности, на примитивности цейлонского быта, на пережитках в Индии кастовой системы, а в Тибете – теократического феодализма, на несовершенствах семейного уклада. И сознательно закрывают глаза на другую сторону жизни этих стран: ту сторону, чьими силами создавались и поддерживались города, наполовину состоящие из храмов потрясающей красоты и просветлённости; взлётами чьего гения лик земли украсила дивная архитектура; благодаря чему священные реки текут по этим странам между берегов, увенчанных бесчисленными памятниками человеческого устремления к духу, свету и красоте. Забывают ту сторону индийской жизни, без наличия которой никакой народ не мог бы от векового порабощения освободиться методами ненасилия – самыми этически чистыми методами, какие только удалось до сих пор измыслить. Не интеллектуализм, а именно духовность веет от всевозможных проявлений народной жизни Индийской и Индомалайской метакультуры: и от пронизанных внутренним светом изумительных ремёсел, и от народного искусства, и от отношения «человека массы» к проблемам жизни и смерти, и от мистерий и героических эпопей, которые целыми ночами представляются на жалкой площади в любой, самой захудалой деревне, и от поражающей нас незлобивости по отношению к недавним поработителям, и от незначительного, особенно в сравнении с Америкой и Россией, процента уголовных преступлений, и от высокоморальных программ действия, принимаемых массовой правящей партией, и даже, например, от преобладающих в индийском обществе типов женщин, так рельефно изображённых Рабиндранатом Тагором и Прэмом Чандом.

Подмена понятия духовного понятием интеллектуального, причём с сохранением именно термина «духовный», столь повсеместна в России и даже на Западе, что становятся совершенно ясными её смысл и цель. Её смысл и цель – всё в том же стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных. Это стремление и его действенное осуществление составляют одну из главнейших сторон переживаемого нами этапа культурно-исторического процесса. Это связано, конечно, и с выхолащиванием далёкого социального идеала, о чём я уже говорил, и с усилиями сделать это постепенно, прикровенно, дабы общество, мало-помалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося

вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчинённые.

Материальный достаток есть сам по себе безусловная ценность. Это есть естественный, достойный человека уровень его внешнего существования. Он представляет собою ценность потому, что это – та самая броня внешнего благополучия, которая даёт возможность спокойно созреть и плодоносить семенам души. Но провозглашать материальный достаток и внешнее покорение сил природы ради опять-таки материального изобилия человечества ценностью основной и наивысшей, целью организованной борьбы масс во всём мире, идеалом общественного развития, во имя которого следует приносить в жертву целые поколения и всё, что относится к духовному ряду ценностей, – это есть или трагическая ошибка, или полуосознанный обман.

Однако же именно эта ложная мысль, иногда провозглашаемая полным голосом, иногда недоговариваемая до конца, но всегда присутствующая в комплексе революционных идей нашего века, определяет и характер идеалов, венчающих этот комплекс, и усвоенную им методику.

Ту многообъемлющую социально-политическую и философскую доктрину, которая была выработана в середине прошлого века на Западе и постепенно сделалась гегемоном в области передового, революционного мышления, станем для краткости обозначать здесь словом Доктрина. Нетрудно представить себе, что эта Доктрина, тесно связанная генетически с предыдущими звеньями западной философской и научной мысли, даже с христианством, разрабатывалась, однако, при активной помощи тех сил, которые озабочены созданием мощного учения, долженствующего сделаться ведущим в человечестве, но ведущим по лестнице идейно-социальных подмен к такому состоянию общественному, культурному, психологическому и техническому, откуда остаётся лишь один короткий скачок до абсолютной единоличной тирании. Если допустить такую посылку, то луч прожектора, при котором мы привыкли созерцать явления культуры и истории, внезапно резко сдвинется; погрузятся в тень явления, до сих пор казавшиеся нам такими отчётливыми, и, напротив, выступят из тьмы феномены, о которых мы раньше не подозревали либо не обращали на них внимания. Железно-упрямый, не желающий уступить ни пяди, буквально с пеной у рта отстаиваемый материализм; жгучая, до неистовства доходящая ненависть ко всему, что можно заподозрить в религиозности, в мистике или в идеализме; полное исключение духовных ценностей, приравнивание их к пережиткам древности и утверждение лишь материального и интеллектуального рядов ценностей; поставление

во главу угла идеи о материальном изобилии большинства; благословение любых средств, если они способствуют достижению этой цели; провозглашение диктатуры пролетариата, затем подмена пролетариата одной единственной партией, а ещё позднее – подмена партии фигурой единовластного вождя; возведение суровой необходимости подчинения всех остальных классов общества, а потом физическое уничтожение мешающих классов; строгий контроль государства, то есть единовластной партии, над всей идейной и культурной продукцией общества; колоссальная роль, отводимая технике, машине, индустрии, автоматизации – автоматизации и производственных процессов, и социальных отношений, и самой психики, – всё это и многое другое приобретает под новым углом зрения новый и достаточно зловещий смысл.

В высшей степени симптоматично, что та самая Доктрина, которая пробивала себе путь на общественную поверхность при помощи освободительных лозунгов и тирад о свободе, начала эру своего господства с разгона всенародного собрания представителей, в выборе которых сама же участвовала, тщетно надеясь получить большинство. За этим немедленно последовало наложение запрета на деятельность всех других партий и политических организаций и уничтожение всех органов печати, кроме своих собственных.

Под указанным здесь углом зрения метаистории важно рассмотреть и такие феномены, как наука, техника и индустриализация.

В человеческом существе – не в физическом его теле только, но во всём сложном, разноматериальном конгломерате его существа – заложены такие потенции, развитие которых бесконечно раздвинуло бы возможность нашего пользования материальными средами и совершенно изменило бы соотношение между человеком и пространством, человеком и временем, человеком и природой, человеком и другими слоями бытия. Проблему полёта способна решить не только авиация. Борьба с болезнями за продление нормальных сроков жизни может вестись и совершенно другими методами, чем те, какими пользуется медицина. Быстрое передвижение в пространстве и общение на громадном расстоянии вовсе не являются монополией наук, связанных с усовершенствованием видов транспорта и средств связи. Способность к полёту, например, к преодолению пространств с невообразимой быстротой, к общению на больших расстояниях, к прохождению сквозь плотную среду, к преодолению болезней, к продлению срока человеческой жизни в два-три раза, к встречам с существами других слоёв, к созерцанию трансфизических панорам, к восполнению жизненных сил не через пищу, а через впитывание излучения светлых стихий и через вдыхание благоуханий – всё эти способности, как и многие другие, покоятся в

зачаточном состоянии в глубине нашего существа. Грубыми, до смешного громоздкими, вульгарными, тяжкими, примитивными, отвратительно бездушными и даже, как ни странно, нерациональными показались бы технические достижения наших дней, вроде реактивных самолетов, телевизоров или кибернетических устройств, тому, кто способен предвидеть человека, овладевшего способностью ангельского летания, духовного зрения или умением мгновенного выполнения сложнейших умственных операций единственно в силу развития способностей, дремлющих в нашем мозгу, в нашем физическом, эфирном и астральном организме.

Одухотворённость и мудрая красота птичьих крыльев не столь далека от мертвенного поблёскивания надраенного самолетного крыла, как далеки друг от друга конкретные результаты движения по этим двум контрастным путям человеческого развития.

Магия древности и, позднее, некоторые направления в восточной философской практике едва-едва прикасались к вопросу о раскрытии этих потенций. Путь к этому раскрытию почти неизведан, чрезвычайно трудоёмок и даёт плоды лишь в итоге преемственной работы многих поколений. Особая же его трудность заключается в том, что подобная практика теснейшим образом связана с общим одухотворением личности, с подъёмом её нравственного уровня, с очищением от всевозможной мути.

Древняя магия не смогла далеко уйти по этому пути именно вследствие недооценки **связи между магической практикой и этикой**. Подчинение этой деятельности корыстным мотивам влечёт за собой, в большинстве случаев, приостановку движения, а иногда – продолжение движения, но ценою **демонизации шельта** со всеми вытекающими из этого запредельными следствиями.

На позднейших культурно-исторических стадиях, в лоне высокоразвитых религий, так или иначе прикасались к этой проблематике очень многие течения и школы: и пифагорейство, и каббала, и восточнохристианское монашество, и монашество даосизма и ламаизма. **Кажется, сознательнее всех преследовали цель развития в себе именно этих потенций индийские йоги**. При этом связь подобной работы с личной этикой была им уже совершенно ясна. **Но требуемый йогой отказ от многих общечеловеческих потребностей и строжайшая самодисциплина препятствовали включению в это движение широких масс**. Весьма сомнительно, однако, что для раскрытия этих потенций действительно необходим, независимо от эпохи и культуры, именно крайний аскетизм. Условия нового времени диктовали бы, вероятно, не мучительное умерщвление плоти наподобие монахов времён Исаака Сирина или индийских отшельников, а облегчённые условия, близкие к

представлению о мирской праведности, либо, например, к повседневному укладу южнобуддийских общин – строгому и чистому, но умерщвлению плоти отвергающему.

В метакультурах древности, включая Византию, общество ещё не сделало окончательного выбора между этим путём развития и другим – тем, который для краткости можно назвать научно-техническим. Правда, в панораме древнеримской империи видятся признаки того, что в плане древнего общественного сознания тогда уже почти ничего не осталось от идей первого типа развития; они сделались достоянием эзотерических и полуэзотерических обществ, мистических культов, некоторых кругов жречества. Но социально-экономические условия Древнего Рима, Византии, даже западного средневековья не могли ещё способствовать быстрому продвижению общества по второму пути. Рубежом следует считать приблизительно XV век – эпоху от изобретения пороха и книгопечатания до открытия Америки, Индии и до вызванных этим колоссальных экономических и психологических сдвигов.

С начала XVII века преобладание тенденции ко второму пути развития и стремительное угасание потенций первого пути становятся уже предельно ясными.

Второй путь развития характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, резко и полностью разрывается связь между наукой, то есть познанием окружающего мира, и какой-либо духовностью. Духовность окончательно отбрасывается в область богословия, культа, мистической философии и искусства, то есть в ту область, на которую наука не обращает ни малейшего внимания, лишь гораздо позднее начиная изучать её со своих же научных позиций. Во-вторых, методика познания сужается до скрупулёзной эмпирики и чисто рассудочных обобщений эмпирически добытого материала. В-третьих, **научная деятельность как таковая полностью эмансипируется от каких бы то ни было связей с практической этикой:** корыстность или бескорыстность мотивов, порочность или добродетельность учёного не имеют больше никакого отношения к плодотворности его занятий. Конечно, кармические следствия дурно направленной научной или технической деятельности, например военного изобретательства, приходится пожинать каждому в его посмертии; но эти следствия находятся далеко вне круга его сознания при жизни. И в-четвёртых, наука в принципе делается открытой для всякого, обладающего упорством и прилежанием. Окончательный разрыв между духовным и интеллектуальным рядами становится незыблемой реальностью.

Как расценивать – с метаисторической точки зрения – этот выбор пути, совершённый западным человечеством, а позднее определивший

направленность умственной деятельности и в других метакультурах? **Если бы миссия Христа не была оборвана**, человечество получило бы могучий импульс к движению именно по духовному пути. **Вот тогда были бы открыты и усвоены те методы, которые позволили бы вовлечь на этот путь народные множества вместо тех единиц, которые вовлекаются на него в Индии и в странах буддизма; несравненно большими, для всех явными, были бы и достижения этих поколений.** Это подобно тому, как отличается размах научных достижений в древности, когда в этом направлении работали единицы, от размаха научных достижений теперь, когда в эту деятельность вовлечены миллионы. **Тот, кто оборвал жизнь Христа в самом её начале, продолжал свою глубоко целеустремлённую, сатанински разумную деятельность и в дальнейшем.** И, уж конечно, он приложил немало сил к тому, чтобы глушить всё побегу духовности и способствовать бурному росту научной и технической мысли. Не требует объяснений, зачем именно ему нужно было первое; во втором же он нуждался потому, что без высочайших достижений техники не было бы мыслимо объединение человечества в монолит, а без этого объединения невозможно установление всемирной тирании – единственной тирании, заслуживающей наименование абсолютной.

Но объединение человечества есть цель, вернее, **необходимый этап на пути к конечной цели – не только для демонических начал.** Объединение человечества – этап в достижении конечной цели также и для начал Провиденциальных. Ибо, пока объединение не достигнуто, человечество будет терзаться войнами и революциями – войнами всё более и более разрушительными; наступит день, когда их разрушительность превратится в угрозу для всей органической жизни на поверхности Земли. Вне всеобщего объединения, политического и социального, нет способов к предотвращению этой угрозы. И поскольку человечеством уже давно, хотя и неосознанно, сделан выбор научно-технического пути развития, поскольку невозможно в короткий срок изменить соответствующим образом общее умонастроение в сторону пути духовного, постольку Провиденциальные силы принуждены, со своей стороны, форсировать движение человечества по научно-техническому пути. Такова метаисторическая диалектика. **Силы Света озабочены только тем, чтобы направить научную мысль, поскольку это зависит от них, по таким дорогам, которые меньше других грозят гибельными для людей открытиями и изобретениями.** Сознание и воля учёных – такое же поприще битв Света и Мрака, как и всё в Шаданакаре. **И в то время, как одухотворённый разум Эйнштейна, Планка, Кюри, совершавших подвиги своих грандиозных открытий, просвещался и озарялся**

инспирацией дαιмонов, разум изобретателей шестиствольных минометов, термоядерных бомб, аппаратов подслушивания и межконтинентальных ракет направлялся в своих усилиях невидимыми слугами нашего вечного Врага.

Но и помимо умножения разрушительных сил войны, развитие техники имело для человечества первостепенное и противоречивое значение.

От всех других явлений духовного и интеллектуального ряда, даже от чистой науки, в значительной степени движимой чувством жажды познания, техника отличается одним: она не может не быть насквозь утилитарной. Психика людей, повседневно работающих в технике, над техникой, с техникой, приучается ко всему на свете подходить с критерием практической полезности. Если человек не сумеет сам заметить эту опасность, если он не отгородит глухой стеной ту сферу своей жизни и деятельности, где властвует техника, от остальных сфер своей жизни и души, он превращается в духовного калеку, духовного импотента, духовного слепца. **Нет лучшего способа угасить в себе проблески чего бы то ни было духовного; нет более верного пути к выхолащиванию психики от понимания искусства,** от любви к природе, от тяготения к религии, от тоски по мировой гармонии, от жажды любви. В нашем эоне развитие техники неизбежно, неотвратимо и оправдано потому, что **без него невозможно ни объединение человечества, ни установление того всеобщего материального уровня, который достоин человека.** Но горе тем, кто позволил технике властвовать над своей душой.

Строго закономерно, исполнено железной исторической логики то обстоятельство, что Доктрина апеллировала прежде всего к пролетариату и именно пролетариат был предызбран ею как будущий класс-гегемон. Тогда ещё можно было вводить умы в заблуждение, взывая к чувству справедливости и жалости и вопия о том, что пролетариат пока ещё создаёт только материальные ценности лишь потому, что он бесправен, угнетён, задавлен, нищ, сир, наг. Наивные энтузиасты веровали, что, освободясь от эксплуатации и придя к власти, этот класс создаст такие высшие ценности, перед которыми померкнут все шедевры прошлого. И что же?

Феодальная аристократия эксплуатировала народ, но объём культурных ценностей, созданных этим классом, не поддается ни исчислению, ни обзору. **Жречество и духовенство** эксплуатировали, как это известно теперь даже грудному младенцу, темноту масс, но они создали не только религиозные концепции и культ, они создали вечные памятники зодчества, живописи, поэзии, музыки, философии, они создали высокие нравственные заветы. Буржуазия повинна во всех смертных грехах, но культурное творчество этого класса составляет едва ли не большую часть

того, что теперь именуется культурным наследием. Крестьянство оставалось на социальном дне, но всё же и оно создало песни и сказки, орнаменты и легенды, художественные ремёсла и фольклор.

А рабочий класс? Я живу в стране, где рабочий класс остаётся гегемоном уже пятое десятилетие. Что же создал он, кроме всё тех же ценностей материального ряда да всевозможных технических, производственных усовершенствований? Скажут, может быть: а как же вся рабочая интеллигенция, то есть выходцы из рабочей среды, становящиеся инженерами, экономистами, юристами, учёными, литераторами? Но это – не рабочий класс: это – те, кто его перерос, кому нечего больше делать в этой среде и кого навсегда отделили от этой среды и характер деятельности, и круг интересов, и материальные условия жизни. Монах, расписывавший фресками храм, оставался монахом; помещик, писавший у себя в усадьбе или в своём городском доме романы, поэмы и картины, оставался помещиком; буржуа, посвящавший свой досуг искусству и науке или предававшийся меценатству, оставался буржуа; и крестьянин, сочинявший былины или расписывавший утварь, оставался членом своего класса. Но рабочий, становящийся интеллигентом, тем самым перестаёт быть рабочим. И того, что создала эта интеллигенция, не приходится принимать к рассмотрению, когда мы говорим о том, что создал этот класс как таковой.

Духовной – в точном смысле слова – продукции рабочего класса не существует вообще; его интеллектуальная продукция ничтожна. Рабочий класс – не венец человечества, а его трагедия, его memento mori*, грозное напоминание о том, что миллионы людей, потенциально ничем не отличавшихся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовное скопчество, на культурное вырождение, смягчаемое лишь тем, что эти несчастные в подавляющем большинстве сами не понимают всего ужаса своего положения. Утратившие связь с матерью-землёй и не вознаграждённые за это приобщением к мировой культуре, психически искалеченные вечной вознёй с машинами, эстетически колеблющиеся от красот индустриального пейзажа до частушки и пошлой олеографии, эти люди становятся жертвами одуряющей скуки, как только оказываются наедине с самими собой. Они, как огня, боятся тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошённостью. Природа для них мертва, философия – смертельно скучна, искусство и литература доступны им лишь в самых сниженных своих проявлениях, религия возбуждает в них лишь высокомерную насмешку невежд и только наука вызывает чувство инстинктивного уважения, как нечто, бесспорно высшее, чем они. Их отдых – карты, водка, домино, спорт, примитивный флирт да кинематограф. И пусть не лгут,

будто я клевету на этих людей: им слишком долго кадили фимиамом, их растлевали потоками демагогической лести и лжи; приходит время, когда перед ними поставят их собственные, ничем не разукрашенные портреты.

---

* *Memento mori* (лат.) – напоминание о смерти – *Ред.*

Закономерно и логично, что именно эту человеческую формацию Доктрина возвела на пьедестал; именно из неё создаются кадры единовластной партии; именно она возносится перед человечеством как якобы самый ценный из человеческих слоёв, как образец, коему должны по мере сил следовать все остальные.

Смысл индустриализации – одного из главнейших мероприятий государства в 20-х и 30-х годах нашего века – отнюдь не исчерпывается тем, что эта мера усилила обороноспособность страны, одновременно поднимая, хотя и черепашими темпами, её материальный уровень. Смысл индустриализации ещё и в том, что она произвела насильственную ломку психологии крестьянства и интеллигенции, заставив Россию, как выразился один иностранный журналист, «мыслить машинами», а в обществе распространяя тот психологический режим, который был до этого свойствен рабочему классу: психологический режим, при котором всё расценивается мерилom практической полезности, все чувствуют себя винтиками в гигантской машине и считают это нормой; режим, при котором вырождается искусство, становится государственной проституткой литература, умирает религия, опошляется культурное наследие и выхолащивается этика: **психологический режим бездуховности**.

Культурное наследие остаётся единственным каналом, по которому духовность всё-таки проникает ещё в сознание людей. И не мешает припомнить, что в первые годы после Великой Революции, когда ещё верили в мираж скорой революции во всём мире, в русской культуре бушевало такое течение, которое требовало и всю культуру прошлого сдать в архив. Один из идеологов Доктрины, Маяковский, лишь гораздо позже пришёл к заключению, что Пушкин писал не так уж плохо; сначала же он, как и другие, требовал, чтобы Пушкин был сброшен с корабля современности. При этом Пушкин понимался, конечно, как некое олицетворение классики вообще. Самый талантливый театральный деятель той эпохи, Мейерхольд, выворачивая классиков наизнанку, культивировал тот урбанистический, конструктивистский, оголённо-схематический стиль, который приводит на память стиль массовых действий в Друккарге. И ещё поразительнее было отражение архитектурного стиля игв конструктивным стилем тех зданий, которые возникли среди русских городов в 20-х годах и в начале 30-х: лишённые каких бы то ни было украшений, это были

сочетания кубов, ромбов, параллелепипедов – голых геометрических форм – при явном пренебрежении закруглённой линией. **Потребовалась усиленная инвольтация из Фонгаранды**, чтобы приостановить дальнейшее выхолащивание, или лучше сказать «игвизацию», зодчества. Впрочем, воздействие вкусов и стиля античеловечества в архитектуре XX века сказалось далеко не в одной России: конструктивизм на Западе оказался даже устойчивее, чем у нас, он до сих пор уродует своими железобетонными ублюдками прекрасные города Франции, Англии, Германии. Удивляться нечему: инвольтация демонических начал – всемирна, и если на некоторых отрезках истории Россия сделалась её основным плацдармом в человечестве и лицо Друккарга стало выпирать на её поверхность, то и остальное человечество не было оставлено без демонического внимания, чтобы в случае, если Россия отобьется от рук, было где и на чём продолжать сооружение фундамента грядущей сатанократии. Вот почему шрастр Северо-западной метакультуры, Мудгабр, всё больше и больше просвечивает теперь сквозь города Западной Европы и Америки.

Глубоко закономерен был, конечно, стратегический курс, взятый государством с самого начала Революции в отношении религии как таковой. Но тактику приходилось варьировать в зависимости от ситуации и от зоркости тех, кто этим курсом руководил на данном отрезке времени. Доктрина ещё не успела захватить власть, как великое человекоорудие Третьего Жругра уже объявило, что религия есть опиум для народа. На первых порах ради ослабления православной церкви, так долго господствовавшей над умами наиболее широких народных масс России, в особенности над крестьянством, попытались расшатать монолит православия, оказывая попустительство всевозможным сектам. Но скоро уяснилось, что такими паллиативами церковь расшатать нельзя и что, напротив, дух религиозного искательства начинает разливаться вширь. Поэтому секты подверглись тем же гонениям, что и церковь. Их судьбу разделили религиозные, философские и мистические организации и группы, бытовавшие среди интеллигенции: антропософские и теософские ложи, оккультные кружки, Религиозно-философское общество и религиозные ордена любой окраски. Деятельность антирелигиозных организаций, и в первую очередь общества «Безбожник», выплеснулась в клубы, лектории, на эстрады, трибуны, кафедры, в печать, театр и кино, даже прямо на городские и сельские площади. В дни церковных праздников храмы окружались стаями молодёжи, изощрявшейся в разных видах кощунства, и шутовскими процессиями, в которых комсомольцы изображали пузатых попов со съехавшими набекрень митрами и с бутылками в руках; эти скоморохи двигались по улицам параллельно

крестному ходу верующих. Недостаток остроумия, эстетическое бесплодие и отпечаток непроходимой пошлости, лежавший на этих затеях, мало способствовали их удаче. Скудоумие приходилось восполнять трёхпалым свистом, взрывами кое-как срепетированного хохота, хлопушками, ракетами, а зачастую и прямым хулиганством.

Скоро стало очевидным, что и эти приёмы бессильны отвлечь от религии сколько-нибудь заметное число любителей духовного опиума. Даже напротив: храмы бывали так полны, как никогда этого не случалось до революции. И когда в 1925 году скончался находившийся под домашним арестом патриарх Тихон, его похороны вылились в такую миллионную демонстрацию, что перед ней померкли все внушённые правительством и партией массовые изъявления горя, которые годом раньше поразили москвичей в дни похорон или, вернее, мумификации первого вождя. После этого тактика была изменена и церковь расколота изнутри. Преемник покойного патриарха выступил с широковещательным заявлением, что отныне радости безбожного государства – и наши радости, его горести – и наши горести. Превышая свои полномочия, высший иерарх русской церкви включил текст великой ектиньи моление о «властях предержавших» и о пребывании их «во всяком благочестии и чистоте». Весьма вероятно, что субъективные мотивы, руководившие при этом высшей иерархией, сводились к мысли, что лучше хоть таким путём сберечь церковь от полного физического разгрома, хоть этими способами обеспечить для народа выполнение основных её функций: таинства крещения, исповеди, евхаристии. Но так или иначе, этим было положено начало тому политическому курсу со стороны церкви, который вскоре превратил её в безропотную рабу антирелигиозного правительства. Естественно, что такой поворот вызвал среди духовенства и мирян резкое разделение. Большинство священников или отказались напрямик, или уклонились от поминовения властей при богослужении. На саботажников обрушились кары – отнюдь, впрочем, не церковные. За тысячу лет своего существования русская церковь насчитывала среди своих святых едва ли десятков мучеников за веру. Теперь эта недостача была пополнена в изобилии. Тысячи священников и верующих мирян погибли в тюрьмах и трудлагерях. Храмы подверглись закрытию и разрушению либо превращению в склады, мастерские или общежития. Истребительный самум обращал в груды щебня и те храмы и монастыри, которые пользовались мировой известностью как уникальные памятники искусства. Колокола, веками катившие над городами и полями России волны благовеста, отзвонили в последний раз и, сброшенные с разломанных колоколен, были отправлены как металлический «утиль» на переплавку. К середине 30-х годов в Москве из 600 действующих церквей уцелело едва ли

40, а в Киеве, например, остался открытым один-единственный собор. Судьбу православной церкви разделили и все другие вероисповедания.

К тому времени уже давно было сконструировано, свинчено и поваплено* то, что должно было заменить собою церковь как водительство душ, как учительницу жизни, как массовую организацию. Эта квазицерковь приняла от своей предшественницы и её исконную догматическую неколебимость, и свойственное ей сочетание централизованности с демократизмом, и её систему сурового внутреннего подчинения, и её претензии на роль единственного индикатора истины. Постарались имитировать даже то душевное тепло, которое свойственно церкви. Идеиное и структурное единство партии охранялось такими же беспощадными мерами, какими некогда, в века своего становления, христианская церковь оберегала своё единство, вступая в жестокую борьбу с любой ересью. А исключение провинившегося члена из лона квазицеркви стало таким же страшным наказанием и воспринималось несчастным столь же трагически, как в средние века воспринималось отлучение от церкви.

---

* Повапить (*стар.*) – выбелить или окрасить. «Гробы повапленные» – раскрашенные снаружи. – *Ред.*

Мало-помалу квазицерковь выработала и квазикульт. Вместо жалких, кустарных антирелигиозных маскарадов в дни церковных праздников упор был взят теперь на устройство грандиозных массовых шествий, парадов и помпезных действий в дни праздников революционных, на хоровое исполнение партийных квазипсалмов и квазиакафистов и на поклонение квазимошам, покоившимся в квазихраме у стен Кремля.

Средствами экономического и внеэкономического принуждения на службу квазицеркви было привлечено всё – от художественной литературы до цирка, от сцен ведущих театров до ресторанных эстрад. Стержнем же этой системы было сделано так называемое **просвещение**, то есть лестница образовательно-воспитательных и научных учреждений от детских садов до Академии наук СССР.

Человек какого образа воспитывался этой всеобъемлющей педагогической системой? Каков был её идеал?

Она развивала в испытуемом *смелость*, ибо смелость эта была нужна государству для борьбы с врагами и для грядущих боёв за всемирную власть. Воспитывалась *воля*, но такая воля, которая покорна государству и квазицеркви и тверда в осуществлении их – и только их – директив. Воспитывалось **чувство товарищества**, но товарищества по отношению только к тем, кто неукоснительно и твёрдо отстаивал дело именно этого государства и этой квазицеркви. Воспитывались **правдивость и честность**,

но честность особого рода: такая честность, когда человек, не колеблясь, предаст товарища, друга, отца, выдаст любую доверенную ему тайну, если они хотя бы в деталях противоречат интересам государства и указаниям квазицеркви. Воспитывалось **творческое отношение к труду** – всё ради эффективности трудовых процессов в интересах той же квазицеркви и того же государства. Поощрялась **жажда знания**, но направлялась она по строго определённом руслу: такому руслу, которое обеспечивало технический прогресс и формирование определённой идеологии. Всё это окрашивалось **тщательно культивируемой, выращиваемой, питаемой, поливаемой, подогреваемой ненавистью к врагу**, причём врагом считался каждый мыслящий иначе, чем квазицерковь. В итоге получалась развитая, энергичная, жизнерадостная, целеустремлённая, волевая личность, по-своему честная, по-своему идейная, жестокая до беспощадности, духовно узкая, религиозно-невежественная, зачастую принимающая подлость за подвиг, а бесчеловечность – за мужество и героизм. Создавался **законченный тип самоуверенного фанатика**, воображающего, что его государство – лучшее из всех государств в мире, его народ – талантливее всех народов, его квазицерковь – ковчег абсолютной истины, его идеология – безусловно правильная, его вождь – непогрешим не только ex cathedra, но и во всё минуты своей жизни, всё же остальное – ветошь, исторический мусор, только мешающий жить и осуждённый на безжалостное уничтожение.

Но какими бы прочными ни были позиции, занятые Доктриной в битве за человеческие души, внутри этих душ продолжала протекать почти невидимая постороннему глазу, часто невнятная рассудку самих людей борьба провиденциального начала с теми, кто пытался его искоренить. В повседневности, в быту, в семьях, в дружбе, в любви, в тайных движениях человеческого сердца, в смутной тоске, в неутолимых сомнениях, самопроизвольно возникающих из недр совести, в общении с природой, в струях красоты, низливавшихся в душу от великих творений прежних времён, сказывалось непобедимое сопротивление духа.

Таких стадий достигла борьба с духовностью в тридцатых годах нашего века, когда над шестой частью земного шара обрисовалась с окончательной резкостью исполинская фигура страшного человеческого существа, ещё издавна предвиденная и предсказанная великими пророками России.

<http://www.rodon.org/andreev/rm/11-2.htm>

